

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

VOL. XL. № 14,110. WEDNESDAY, DECEMBER 13 1950.

СРЕДА, 13 ДЕКАБРЯ, 1950 ГОДА

ЦЕНА 5 СЕНТОВ

Вишневый сад

Театр Русской Драмы

Старый Фирс, когда пришла воля, был уже старшим камердинером. Гаев называет себя человеком восьмидесяти годов. Лопахин моложе его лет на двадцать, а «вечный студент» Трофимов, которому 26 лет, жалуется, что русская интеллигенция не способна ни на какую творческую работу.

Чехов в этой пьесе поставил вещи на столетнем пути русской истории, подводя вплотную к предреволюционным настроениям. Вот почему в «Вишневом саду» звучат будто три мелодии, составляющие лейтмотив пьесы. Лирику феодальной романтики поет прерывающийся голос Фирса. Торжество нового человека, строителя жизни, синонима нарождающегося промышленного класса — звучит властным аккордом у Лопахина, и высоко взлетает к небу тенор студента Трофимова, возвестителя новой жизни. Она сорвалась, эта Трофимовская мелодия, на самой высокой ноте, и вместо свободы и счастья в труде, этот пророк русского ренессанса закончил свои дни в эмиграции.

Поэтому «Вишневый сад» является не комедией, а поэмой величайшего предчувствия.

В «Вишневом саду», как и в других пьесах Чехова, нет диалогов. Каждое действующее лицо говорит только то, что чувствует и переживает. Никто не спрашивает Раневскую о ее жизни в Париже. Она сама рассказывает о себе то, что гнет ее душу. По своему восприятию происходящего Гаев. Его монологи — только попытка отвлечь внимание от собственных переживаний. Он фразами стыдливо прикрывает чувства, которые ему хочется скрыть от окружающих. Студент Трофимов находит отклик только в одной душе любящей его Ани. Одиноки Варя, Елиходов, ничего кроме раздражения и смеха ни в ком не вызывающий. Лопахин не только одинок, но и явно всем враждебен. Ни с кем не связан, и никому из окружающих не интересен Симеонов-Пищик, которого домогают долги и пужда. Апофеозом одиночества является Шарлота, которой никто не понимает, потому что она даже не русская, и никого на свете у нее нет. И как бы завершением этого собирания людей-сирот является столетний Фирс, которого все забыли и оставили умирать в заколоченном доме.

«Вишневый сад» не комедия, а художественная схема предчувствий, ощущение веяния крыльев судьбы, тревожное и жуткое.

Как его передать? Так же, как и все ощущаемое, чувствуемое и словами невыразимое. Люди говорят о разном, но думают об одном, и больше всего о том, о чем не говорят. Так бывает, когда в доме несчастье. Говорят о погоде, о туалетах, о последних событиях в политике, о спорте. Но никак не о том, что больше всех волнует и больше всех объединяет. Чем меньше разговоров, тем больше ощущений.

Эту тайну отвлечения от настоящего, и замены его несущественным и мелким Чехов понял первый из всех и лучше всех.

Погода сегодня хорошая, говорит Лопахин. Но зритель знает, что Лопахина тревожит не погода, а вопрос женитьбы на Варе.

Когда все думают об одном и том же, обыкновенно создаются и одинаковое настроение, и одинаковый тон.

Елиходов идет! Замечает кто то.

Елиходов идет! повторяет другой, третий, пятый, и ничего не выражающая фраза объясняет самое главное скуку и бескрасочность окружающего, и больше, скрытый страх и скрытое предчувствие.

Вот где сила чеховского «диалога», без встречных, скрепляющихся слов, объединение в едином чувстве и едином душевном состоянии. Это основное. Это начало и завершение чеховской мелодии, где разные голоса поют одну и ту же песню. И этого концерта, этого слияния в чувстве а не в слове на спектакле «Вишневый сад» не было.

Зато все играли добросовестно, старательно, не «под суфлера», а округляя и выговаривая все слова, передавая все чувства, но Чехова на сцене не было. Его забыли, как забыли Фирса в последнем акте, кстати, забытого даже на программе.

Г-жа Лошцилина - Раневская очень переживала потерю вишневого сада.

Но потеря вишневого сада не главное, не первая причина ее страдающего сердца. Вишневый сад для Раневской не действительность, а воспоминание юности, трогательное, волнующее.

Ее мысли не здесь. Они в далеком Париже, возле того человека, о котором говорят, что он погубил ее жизнь, разорил ее, разбил ее душу, и теперь, пред нами только обломки этой души. Все ее мысли, все чувства — там, и потеря имени для нее не столько горе, сколько исход. Она уже не здесь а там в Париже возле этого жестокого и дурного человека, которого она единственно на всем свете любит.

Вот такой Раневской г-жа Лошцилина не показала. Она играла, старалась быть живой участницей драмы, когда на самом деле она только призрак человека, только осколок его. Но вот все предчувствия кончились. Сад продан. Надо уезжать. И «Вишневый сад» из пьесы настроений становится пьесой драматического движения. Лошцилина-Раневская попадает в тон и проводит конец пьесы в сильном, ярком, драматически-правильном освещении.

Еще меньше отразил пьесу предчувствий Гаев — г. Бастунов.

Гаев самый очаровательный бездельник, которого знает русская литература. Свою жизнь Гаев превел между двух страстей — чтением либеральной газеты и игрой на бильярде. Ловкий дуплет в середине на зеленом сукне ему не меньше, и не больше, дорог, чем торжественная речь — импровизация на любую тему. Речи Гаева прикрывают его детскую беспомощность и полную неспособность к какому бы то ни было делу.

Г. Бастунов эту беспомощность Гаева изобразил верно, но не внес в нее очарования гаевского вдохновения. При всей своей извности Гаев не глуп и прекрасно понимает комизм положения вечного бездельника, и даже немного этого стыдится. Отсюда и фокусничанье и бильiardная эквилибристика, которая совсем не удавалась г-ну Бастунову. И то сказать, очень уж хорошо разработан этот образ на русской сцене чтобы можно было угодить гурманам театра.

Не склеивалась музыкальность пьесы вначале, когда мелодия предчувствия не была воспринята Лопахиным — которого играет Лопахин. Но с развитием действия Лопахин как то окреп, и сцену возвращения после покупки имения провед сильно и ярко, если не считать некоторой вольности с разбитой тарелкой, которой нет у Чехова.

Попрежнему играет Фирс г. Зелицкий, и отлично в ярко комическом тоне и без шаржа изобразил г-жа Воннова Шарлотту.

Тяжеловат Фишер — Трофимов. Зритель плохо верит в его 26 лет.

И вообще, эпизодические роли оказались на этот раз наиболее удачно разыграны. Шаржированно, но с природным комизмом, играет Елиходова Желиховский. Совсем удачен Ауэр в детально разработанной роли Яши и хорош Евгений Симеонов-Пищик. Немножко «перепил» г. Николаев прохожего.

Трогательно и тепло играет г-жа Соколова Ани, единственную солнечную роль в пьесе, символизирующую веру Чехова в лучшую жизнь на нашей грешной земле. Прекрасно, почти с совершенным проникновением в атмосферу чеховской лирики отчаяния, проводит роль Вари г-жа Лесс. Г-жа Авчинникова не дает той Дуняши, которую Чехов рисует, — романтической девушкой, вся трагедия которой в том, что она от горничной отстала, а к барышне не пристала. Это основной трагикомический элемент роли «нежной» Дуняши. На ней все же есть какой то налет чеховской грусти. Этот налет г-жа Авчинникова старательно стерла.

Слабость спектакля в нашей забывчивости. В заколоченном доме русской эмиграции Чехова забыли, как старого Фирса, но он еще сохраняется в памяти многих из нас. Как жаль, что режиссер оказался более забывчивым, чем зритель, еще вдыхающий, по воспоминаниям, аромат чеховской эпохи.

Л. Камышников.